

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)я44
Б 38

Бежин, Леонид.

Б 38 Колокольчики Папагено/ Леонид Бежин. — Москва:
Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-119473-4

Все рассказы и повести Леонида Бежина остро современны, выхвачены из нынешней жизни со всей ее экзотикой и фантазмагорией. В основе концепции сборника — современный сюжетный рассказ. Это заметно уже по первому рассказу «Колокольчики Папагено» с его новеллистической концовкой. Такая же неожиданная концовка у рассказа «Слезки» (притворные слезки оборачиваются горькими слезами). А рассказ «Фил и фоб» — сатирическая притча о столкновении современных филов и фобов...

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)я44

ISBN 978-5-17-119473-4

© Текст. Леонид Бежин, 2019
© Оформление ООО «Издательство АСТ»

ПОВЕСТИ

___ *НУЛЕВОЙ УРОК, или ЗАКАТ ЕВРОПЫ*

Сенсацией для всего Бирюлева и его живописных окрестностей (включая Чертаново) стало то, что Жанна Терехина вышла замуж за тайского принца. Все сошлись во мнении, что такого в здешних краях еще не бывало: вот уж поистине судьба вознесла и облагодетельствовала. Правда, на памяти местных жителей был один случай, когда Бирюлево породнилось таким же образом с Арабскими Эмиратами. Впрочем, таким да не таким, поскольку Эмираты выставили в женихи миллиардера, тоже поднявшегося из низов и разбогатевшего на продаже нефтяных насосов, а тут как-никак принц. Голубая кровь. И зовут его Ниронг (имя, по звучности сопоставимое с самим Нородомом Сиануком).

Естественно, что никому ранее неизвестная Жанна сразу стала здешней знаменитостью. Конечно, все мечтали хотя бы издали, одним глазком на нее посмотреть, но тут уж как повезет. Дом же — грязно-серая двадцатиэтажная вавилонская башня, где обитала Жанна, стал местом паломничества. Спорили только, с какой стороны девятого этажа ее окна, с правой или левой. Подобострастно расспрашивали соседей: «Неужели такая красавица, что даже принцуглянулась?» И соседи авторитетно заверяли, что и впрямь красавица писаная, небывалая, ослепительная.

Но это явное преувеличение (не в красоте были достоинства невесты) — так же, как и слухи о золотом дожде,

пролившемся на Жанну. Конечно, принц Ниронг ничего не жалел для любимой жены и тратился на нее сполна. Но все-таки страна его из бедненьких, и королевский двор за последнее время поиздержался. Да и коррупция, словно древесный червь, казну подтачивает: тут даже при голубой крови с Эмиратами не потягаешься.

Но это еще не все. Знающие люди утверждали, что принц сам по себе фигура не столь значительная, второстепенная по сравнению с неким бездомным, с которым Жанна была знакома до него и тоже собиралась замуж. Вот его-то называли человеком необыкновенным, загадочным — в отличие от принца. Его высочество, хотя и намекали на некие свои заслуги в прежних жизнях, не сподобились снискать особой славы и благоговейного поклонения у современников. Во всяком случае, никто не падал ниц, чтобы поцеловать ему туфлю. Да и сам он по легкомыслию подчас приравнивал свою голубую кровь к коллекции редких марок (принц был заядлый собиратель) или старинных ружей, хранившихся под замком в застекленных шкафах.

Вот, собственно, и все, чем он мог похвастаться, хотя учился не только в Москве, где и познакомился с Жанной, но и в Гарварде (видно, многому там не выучился, да особо и не утруждал себя учением). Упомянутый же бомж был оригиналом, имел богатую биографию, слыл мудрецом, философом, и ему — если воспользоваться выражением одного глубокого ума — приходили мысли, которые редко кому приходят в голову.

Словом, там была своя история... история странная, необычная, во многом захватывающая, даже феерическая, хотя сенсацией ни для Бирюлева, ни для Чертанова, ни для всей Москвы она не стала. Но оно, пожалуй, и к лучшему.

Сенсации нынче дешевеют, а то и вовсе обесцениваются, становятся отбросами, никому не нужным мусором. Поэтому хочется чего-то иного, нездешнего, не из мусорного ящика, не из плевательницы с мокротой и гнойной жижей (прошу прощения за излишний натурализм), а оттуда, где зыбится небесный струящийся свет и сияет сквозь облака голубая лазурь.

Глава первая
**ЖАННА, НА КОТОРУЮ
НЕ ТРАТИЛИ ДЕНЬГИ**

Самолюбие и гордость Жанны Терехиной всегда страдали, если мужчина не тратил на нее деньги. Впрочем, не настолько уж она была самолюбива и не столь горда, но вот по части страданий и обид любую могла переплюнуть. Иногда даже ставила перед собой мутный штоф и запивала с горя, и все потому, что кто-то пожалел копейки, чтобы ее порадовать и осчастливить, и тем самым обидел, даже оскорбил, нанес ей глубокую сердечную рану.

При этом Жанна охотно принимала от мужчин знаки внимания, комплименты («красивые слова», как она их называла). Принимала, хотя и снисходительно, целование ручек и пальчиков, гусарские расшаркивания, восторги из-за того, как она выглядит и одевается, какая у нее походка (а при ее длинных ногах и высоких платформах походка у нее, по словам одной из подруг, была рельефной и экспрессивной). Но при этом ждала — терпеливо выжидала, словно охотник в засаде, — когда же начнется главное и ее новый мужчина наконец раскошелится и на нее потратится. Принесет хотя

бы пустяк, но непременно покупной, из магазина, упакованный в коробку, перевязанный лентой, с тщательно затертой ценой.

Если этого не происходило, Жанна притормаживала, и для нее на светофоре загорался желтый (она развозила из теплицы по цветочным магазинам утренние розы и тюльпаны).

Иными словами, настораживалась, задумывалась, что бы это значило, приглядывалась к нему со стороны. Оценивала и соизмеряла обещания с тем, насколько они выполнены. Обещал роскошный подарок ко дню рождения, и где он, роскошный? Подарил фитюльку, фиговинку, даже не купленную, а уворованную — бабкин браслетик, да и то один камушек (птенчик) выпал из гнезда. Слова богу, хватило ума не дарить цветы, иначе бы швырнула букет ему в лицо, поскольку этих цветов у нее полон багажник. Обещал пригласить в ночной ресторан, и где он, ресторан? По-прежнему лишь манит огнями и завораживает, ухает музыкой, доносящейся из окон. Обещал повезти в Крым на июль, забронировать пятизвездочный, и вот на тебе — весь месяц отпуска пропарились в изнывающей от жары Москве.

Получалось, что выполнялись лишь те обещания, которые не требовали трат, словно на ней беззастенчиво, бессовестно, нагло экономили, и это было ужасно обидно. От нее брали все (красоту, молодость и страстную истому), ей же вместо благодарности совали под нос шиш с маком, словно она недостойна, хуже других. Жанна чуть не плакала от обиды, что с ней не считаются, что любой ее деликатный намек, не высказанное, а лишь обозначенное глазами пожелание, попытку подольше задержаться у витрины с украшениями или шубами воспринимают как стремление

их разорить, выманить последнюю копейку, догола раздеть и пустить по миру. Не понимают при этом, что не побрякушки ей нужны, не серьги, колечки, ожерелья, беличьи манто, а уверенность в том, что у них все серьезно, прочно, а главное, надолго, что есть перспектива.

И что самое обидное, так вели себя не только наши, но и напыщенные с виду, надменные тамошние — иностранцы. Казалось бы, вырвались от своих жен, обрели хотя бы на месяц желанную свободу, да и денег поднакопили — уж они-то могут себе позволить, пустить пыль в глаза. Ан нет — те еще хуже жмутся; отвернувшись, слюнят и пересчитывают свои купюры. Экономят на всем, трясутся, лишнюю копейку боятся потратить. А если решатся что-нибудь купить, то подавайте им со скидкой и на распродаже, поскольку привыкли. Привыкли там у себя скидки выклянчивать и по распродажам бегать — аж стыдно за них, а еще Европа!

Глава вторая

ПОЖАЛУЙСТА, СРАЗУ СЧЕТ

Одно время Жанна делала ставку на итальянцев, поскольку ей умные люди внушили, что они не такие прижимистые. Воодушевилась и даже итальянский стала учить, благо одна из подруг, Лаура Фокина (по бывшему мужу Самохвалова), преподавала на курсах и кроме своего итальянского знать ничего не хотела. Дома не готовила, расчесывала волосы сломанным гребнем, шаркала подошвами заношенных туфель и мела подолом длинной юбки пол (энтузиастка). Зато с упоением читала Петрарку и в воображении даже мнила себя его возлюбленной (не зря же ей выбрали такое имя).

Лаура ее поднатаскала, так что Жанна вполне прилично могла поддержать разговор на общую тему, а уж по цветам-то была высший спец. Все сорта роз могла перечислить по-итальянски. Для светской жизни у нее тоже имелся небольшой запас слов. Ее коронной фразой была: «Le spiace portarchi il conto allo stesso tempo» («Принесите, пожалуйста, сразу счет»). Осталось только познакомиться с тем, кто будет этот счет оплачивать, — выманить налима из-под косяги и взять за жабры.

И тут попался ей первосортный, казалось бы, итальянец с косичкой волос, стянутых резинкой, рыжими усами, колючими, как швабра, и именем (ты только послушай!) Маурицио. Жанна по наивности в него влюбилась, считая, что уж он-то оденет ее в шелка и (не меньше того!) усадит за руль шикарного темно-вишневого спортивного автомобиля.

Но время шло, и вместо шелков множились долги, поскольку она сама за все платила, а Маурицио обладал завидным искусством внезапно исчезать, лишь только наступало время расплачиваться. Жанна терпела, терпела и наконец не выдержала, прижала его к стенке: «Ты кто, сутенер, шулер?» Выяснилось, что он бродячий актер (я почему-то сразу так подумал), кукловод, дергает за ниточки, колесит со своим театриком по всей Европе и зарабатывает гроши.

Тогда она ушла от него к французу по имени Марсель, маленькому, чернявому, лысеющему почему-то не с темени, а с висков, как она мне долго объясняла. Тот был от нее в восторге и засыпал подарками. Жанна уже думала, что нашла свое счастье, но оказалось, что эти чулки, духи, муфты он крал у своей любовницы, с которой собирался расстаться. Та, обобранная до нитки, разыскала Жанну, уперлась ей

коленом в живот, оттаскала за волосы, надавала пощечин и все забрала назад, оставив ее в слезах.

Через какое-то время она от отчаяния и обиды сама укра-
 ла. Украла у подвернувшегося скряги-англичанина с блед-
 ным лицом и морковно-красным затылком серебряный
 портсигар, мобильный телефон и наушники (впрочем, воз-
 никала версия, что он все это ей нарочно подложил, чтобы
 осрамить и оскандалить, гад ползучий).

Заподозрив Жанну (больше было некого), англичанин
 не стал ее допрашивать, выпытывать признание, тем более
 заявлять в полицию. Для дознания и расправы он нанял
 плечистого вышибалу Алика из подпольного борделя или
 клуба. И тот ее напоил (насильно влил в рот фляжку виски)
 и жестоко избил. Портсигар, телефон и наушники отнял, су-
 нул ей сто зеленых на лечение и велел больше не появлять-
 ся в радиусе километра, иначе будет еще хуже.

Глава третья

В ДАЛЬНЕМ УГЛУ ЗА КРАЙНИМ СТОЛИКОМ

Жанна была оскорблена. Даже когда она об этом расска-
 зывала, ее всю лихорадило, корежило и знобило. Жанна за-
 бывала стряхнуть пепел с сигареты, безуспешно ловила вы-
 падавшую из уха матросскую серьгу, и наэлектризованные
 рыжие вихры на ее коротко (под мальчика) стриженной го-
 лове поднимались султанами.

Она несколько раз доставала зеркальце, чтобы привести
 себя в порядок, напудрить лоб и подкрасить губы (причем
 зеркальце явно снято с какого-то старого автомобиля, вы-
 брошенного на свалку). Щеки у нее горели, и рассказывала
 Жанна сбивчиво, повторяясь и забегая вперед. От волнения

слегка заикалась и постоянно повторяла, что с ней ничего подобного еще не случилось и такого унижения она никогда не испытывала. «Всякое бывало, но такого китча — никогда. Слушай! Ей богу, никогда!» — говорила она доверительно тому, с кем уже раздавили тыкву (перешла на ты).

Самым обидным казалось то, что вышибала Алик бил, не оставляя синяков, иначе бы она сама заявила куда надо. Но вот нет, не заявила. Не заявила еще и потому, что не хотела связываться со стражами беспорядка.

Но оставить безнаказанным такой наглый китч (китчем она называла любой беспредел) было нельзя. И Жанна, по ее словам, набрала (натыкала) номер испытанной подруги Лауры Фокиной.

— Самохвалова, давай встретимся. — Она называла подругу по фамилии мужа, чтобы ее поддразнить и заинтриговать, а заодно и напомнить, как помогала ей выкарабкиваться при разводе. Из этого следовало, что теперь Жанне могла понадобиться ее помощь.

— А что такое? — спросила Лаура меланхолично, с ленцой и легким вызовом, ставившим под сомнение право подруги приставать к ней со всякими мелочами и глупостями. — Что-нибудь важное?

— Из-за ерунды я бы звонить не стала. Меня тут чуть не убили.

— Господи, кто? — Теперь Лаура готова была признать любое право, лишь бы узнать подробности того, что случилось.

— Расскажу при встрече. — Жанна понизила голос, словно рассказать сейчас ей мешало присутствие посторонних, хотя никого рядом не было. — Сегодня вечером ты можешь?

- Сегодня? — Лаура любила переспрашивать и недоговаривать.
- Скажем, часов в семь?
- В семь... в семь... дай покумекать. Где?
- Ну, на старом месте. В дальнем углу за крайним столиком. Что-нибудь закажем и посидим.
- Буду. Правда, у меня каблук отваливается, но все равно буду.
- Обещаешь?
- Клянусь.

Глава четвертая **ДЖЕНТЛЬ**

Они встретились на открытой веранде летнего кафе, под полосатым тентом.

Недавно прошел дождь, и в складках тента скопилась вода, сбегавшая вниз ручейками, похожими на стеклярусные нити. Было прохладно и неуютно, но подруги не стали уходить с веранды, словно на новом, непривычном месте что-то могло помешать их разговору. Они лишь попросили принести пледы и закутались в них.

Закутались, похожие на спасавшихся бегством из России наполеоновских солдат, чей жалкий вид уже тогда предсказывал будущий закат Европы.

Жанна рассказала про кражу, особенно напирая на версию, что англичанин сам все подстроил.

— Он может. У него любовь ко всяким пакостным экспериментам. Он рассказывал, что однажды уговорил своего друга-пианиста играть в волейбол за студенческую команду, чтобы тот переломал себе пальцы.

— И он тебя избил?

— Сам он меня бить не стал. Видите ли, он джентль, а джентль, по его словам, не может ударить женщину.

— Вот сволочь. Где ты с ним познакомилась?

— Где я его откопала? — Жанна упростила вопрос Лауры. — На вечеринке у подруги. Он попросил устроить вечеринку, чтобы понаблюдать, как мы веселимся, и изучать нравы аборигенов. Даже в книжечку что-то записывал.

— Аборигены — это мы что ли? Наблюдатель.

— Меня он почему-то называл Жанна де Во и говорил при этом, что я — сама жизнь.

— Ну, это из Мопассана. Эрудит.

— И что теперь с этим вшивым эрудитом и наблюдателем делать?

— Плюнь и забудь. С этими лучше не связываться.

— Ну, хоть какую-нибудь гадость ему сделать я могу?

— Какую, подруга? — Лаура не возражала против гадостей, но их правильный выбор вызывал у нее сомнение.

— Да любую, — Жанна, наоборот, настаивала на том, что здесь и выбирать нечего, — но я должна отомстить. Не могу же я позволить, чтобы меня так опускали.

— Но ведь ты, согласишься, отчасти заслужила. — Лаура уклончиво опустила глаза. — Ведь не зря сказано: не кради.

— С моей стороны это не кража. Это эмоциональное. Порыв.

— Нельзя в наше время жить одними эмоциями. Одними порывами. Ты не Жанна де Во, хоть тебя так и называют. К тому же тебе скоро тридцать.

— Ну и что? А хоть бы и пятьдесят. Договоримся: я ему отомщу и после этого стану благоразумной. Клянусь. Пусть это будет мой нулевой урок. — Под нулевым уроком Жанна

подразумевала все то, ради чего нужно рано проснуться, чтобы потом, на следующий день, спать сколько захочется.

— У вас что, в школе часто нулевки были?

— Почти каждую неделю.

— Бедняга. Тогда понятно. Только я не очень-то верю, что ты станешь благоразумной.

— Не верь! — воскликнула Жанна, а затем повторила тихим, вкрадчивым голосом: — Не верь, но подсажи.

— Ладно, где он работает, твой наблюдатель? — Лаура достала из сумочки персиковую помаду и слегка намазала губы.

— В представительстве. — Жанна тем временем допила свой кофе.

— И кого представляет? — Лаура сомкнула губы, затем разомкнула их и тронула салфеткой.

— Не знаю. Кажется, самого себя. — Жанна тем временем допила свой кофе.

— Когда он возвращается домой?

— Вечером, как и все.

— Тогда вот что. — Лаура подозвала официанта, чтобы расплатиться. — Извини, я спешу. У меня урок, — шепнула она подруге с умоляющим жестом, означающим катастрофическую нехватку времени, и обратилась к официанту: — Счет, пожалуйста.

Жанна хотела произнести свою излюбленную фразу (ради этого заказать еще чашечку кофе), но вспомнила, что они не в Италии.

— А я как же? — спросила она, опасаясь, что он успеет получить от подруги нужный совет.

Но Лаура все держала в уме и тотчас вернулась к начатой фразе.

— Тогда вот что... — торопливо произнесла она, пока официант не вернулся со счетом. — Подстереги его и плесни чем-нибудь в лицо.

— Господи, чем еще? — Жанна невольно заслонила лицо ладонью.

— Чем положено в таких случаях. Или вымажи ему лицо паркетной мастикой. Или подговори бомжей, чтобы они его прессанули.

— Я одна не смогу. Ты мне поможешь?

— Извини, у меня урок, — повторила Лаура, то ли отказываясь ей помочь, то ли не успевая толком ответить.

— А каблук? — крикнула ей вдогонку Жанна.

— Починила, — огрызнулась подруга.

Глава пятая **МЕСТЬ ШАРЛОТТЫ**

Все-таки Лаура — надо отдать ей должное — не отказалась, нет, а просто не успела тогда ответить. И когда Жанна ей на следующий день позвонила, с робкой, заискивающей надеждой напоминая о вчерашнем разговоре, та сразу сказала, что вечером будет свободна и готова ее сопровождать. Сопровождать на благое дело, на месть Шарлотты Корде.

«Какая еще там Шарлотта?» — недоверчиво спросила Жанна, заподозрив некий подвох (подруга была способна на мелкое иезуитство), но Лаура толком ей не ответила. Лишь наставительно произнесла, что, мол, книжки надо читать. «В гробу я их видала, эти книжки», — подумала Жанна, и напрасно: не следовало позволять себе такие мысли, поскольку книжки-то ей тогда и аукнулись... но об этом речь впереди.